

Мужчина, вместо того чтобы заняться Цин Ту, начал изучать меня:

— Жаль, что тот, кто создал тебя, был небрежен. Эта божественная кукла сделана так грубо, да еще и неопределенного пола. Жалко! Жалко!

В его взгляде читалась злорадная жалость:

— Наверное, божество создало тебя просто для развлечения. Теперь ты, маленькая кукла, изношена до предела и скоро перестанешь существовать.

— Лучше стань моей игрушкой! Я могу починить тебя, дать тебе безупречное тело. С тобой мне больше не понадобятся эти неполноценные костяные духи.

Мужчина был одет в белое, очень худой, и его одежда висела на нем свободно. Но он был высоким, и в его движениях чувствовалась аристократическая грация.

Его кожа была прозрачно-белой, словно покрытой туманом, а глаза серыми, как дымчатая бездна.

Он казался слабым, с болезненным выражением лица. После этих слов он начал тяжело дышать и кашлять, хватаясь за грудь, словно хотел выкашлять свои легкие.

Я молчала, но внутри меня все замерзло.

Я вспомнила, как Хуа Лю назвал меня уродом.

Я вспомнила, как Цин Ту называл меня чудовищем.

Я вспомнила, как Хозяин никогда не рассказывал мне свои истории, не спрашивал о моих предпочтениях, не сообщал о своих планах...

Возможно, все потому, что я была всего лишь игрушкой, и мои чувства не имели значения.

В последние годы мое тело становилось все слабее. Помню, тысячу лет назад я была сильной, раны заживали быстро, и боль почти не чувствовалась.

Но с тех пор, как я покинула Пруд Молний, каждый раз, когда я получала рану, даже после заживления, на теле оставались следы. Теперь на моем теле множество синяков и шрамов.

Я провела рукой по запястью, где остался шрам от ожога, оставленного слизью костяных духов.

Мужчина в белом продолжал говорить, склонив голову набок, и, казалось, его идея ему понравилась. Он даже начал обсуждать ее со мной.

Двенадцать костяных духов собирались напасть на меня, но он махнул рукой, и они неохотно отступили.

— Меня зовут Мо Гань.

В комнате стояла медная жаровня с изображением золотого дракона, из пасти которого струился дым. Рядом лежал свиток с надписью: «Моя судьба в моих руках, а не в воле небес».

Буквы были написаны резко, с разрушительной энергией.

Мо Гань, казалось, был доволен своей идеей. Он указал на костяных духов:

— Смотри, вот мои игрушки, такие же, как ты.

Гнев вспыхнул во мне. Мо Гань продолжал:

— Если ты станешь моей новой игрушкой, это будет еще лучше. У меня будет идеальный сосуд, и мне не придется тратить силы на удержание этих грязных душ. Я смогу заключить их в твое тело, и когда придет время...

— Кто сказал, что я стану твоей игрушкой?

Я бросилась на него с Клинком, Разрушающим Небеса, используя момент. Я уже заметила, что Мо Гань очень слаб физически и полагается только на костяную флейту, чтобы создавать иллюзии и вызывать внутренних демонов.

Мо Гань не ожидал атаки и не успел сыграть. Я выхватила флейту, но его магия оказалась сильной. Он двигался, как лист на ветру, ускользая от моих ударов, и мои атаки не достигали цели.

Костяные духи, вместо того чтобы напасть на меня, атаковали Цин Ту.

Но Цин Ту все еще не просыпался, продолжая звать:

— Мама!

Мне ничего не оставалось, как встать перед ним, отбивая атаки костяных духов. Их когти разлетались, но они быстро восстанавливались. Я защищала Цин Ту, но сама получила несколько ран.

Мо Гань с интересом наблюдал за происходящим:

— Игрушка, которую я выбрал, действительно сильна.

Я, разозлившись, крутанулась вокруг Цин Ту, и Клинок, Разрушающий Небеса, разбил кости духов. Они упали на пол, медленно восстанавливаясь.

Я, наконец, смогла перевести дыхание и позвала Цин Ту, но он все не просыпался.

Я, отчаявшись, укусила его за губу, бормоча:

— Здесь нет твоей мамы, меня уже чуть не убили, а ты все спишь.

Его губы были мягкими, слаще, чем финиковая паста. Вкус крови наполнил мой рот, и я, почувствовав его сладость, лизнула его губы, желая попробовать еще.

— Ты, маленькая проказница, всегда ищешь возможность воспользоваться моментом.

Цин Ту, словно обжегшись, оттолкнул меня. Его лицо покраснело, как осенний закат.

Я, наконец, вздохнула с облегчением, увидев, что он очнулся. Костяные духи, восстановившись, вместе с Мо Ганем снова пошли в атаку.

— Не зря ты владыка Мира Демонов. Ни одно живое существо не может так легко выйти из моего магического круга, а ты, владыка, очнулся так быстро.

Цин Ту, кружась со мной, заметил костяную флейту у меня на поясе. Он взял ее и сыграл ту же мелодию, что и Мо Гань.

Первыми пали костяные духи. В иллюзии мы увидели их прошлое.

Жу Чжэнь была принцессой южного государства Лян, выданной замуж за принца северного государства Янь. В Янь она была окружена любовью, и, когда принц стал императором, она стала императрицей, родив ему трех сыновей. Но Лян и Янь были врагами, и брак был лишь временной мерой. Ее отец начал долгую войну против Янь, и ее муж, император Янь, лично возглавил войска, убив ее отца в бою. Ее брат, взойдя на престол, повернул ход войны, разгромив ее мужа и убив его стрелой.

Когда Янь пал, его жители подняли восстание. Стража Янь оскорбила Жу Чжэнь на глазах у ее сыновей и вывела их всех на поле боя. Ее брат лично убил трех принцев, и она, не вынеся горя, покончила с собой. Ее брат разрушил храмы Янь, сжег таблички предков и выкопал их кости для осквернения.

После смерти ее тело было растоптано лошадьми, и прекрасная принцесса превратилась в прах. Ее душа осталась с телом, наблюдая, как оно разлагается, пока не превратилось в кучку костей.

С полным горечи и ненависти сердцем, она поглотила энергию мира и стала костяным духом.

Но, будучи духом, она не могла приблизиться к столице Лян, поэтому присоединилась к клану Мо.

Клан Мо был вассалом Лян, а глава клана, Мо Гань, был амбициозен. Она продала свою душу Мо Ганю, чтобы свергнуть Лян.

Цин Ту, будучи величайшим демоном, легко справился с костяной флейтой.

Перед глазами Жу Чжэнь снова и снова появлялись болезненные воспоминания: ее унижение, смерть детей, известия о гибели отца и мужа...

Мне стало жаль ее, и я закрыла глаза, войдя в сознание Юэ Ю.

Юэ Ю была дочерью военачальника. Однажды, посещая храм, она была похищена бандитами, но, благодаря своим навыкам, смогла сбежать.

Однако, когда она вернулась домой, в городе уже распространились слухи о ее похищении. Ее жених сразу же разорвал помолвку. Ее родители, считая, что она опозорила семью, потребовали, чтобы она покончила с собой.

Она отказалась, показав свою девственность, но мать холодно сказала:

— Репутация женщины важнее всего. Родившись женщиной, ты не должна позорить семью.

И, несмотря на ее сопротивление, родители приказали слугам бросить ее в колодец и заживо похоронить.

<http://bllate.org/book/15420/1372275>